

Сокровищница общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» пополнилась в 2020 году ещё одним великолепным изданием: в серии «Библиотека альманаха "Тобольск и вся Сибирь"» вышла книга Михаила Александровича Тарковского «Три урока». Невподым тяжёлая, аскетичная и сумрачная, с суровым гляncем чёрно-белых иллюстраций и тёплым, фосфорическим светом керосиновой лампы под стеклянным колпаком на обложке, она обещает вдумчивому и терпеливому читателю интересные и непростые уроки.

Эта книга – зерно, которое, попадая в сознание, способно развернуться там целой вселенной – ароматной, звучащей, чувствующей, одухотворённой. Однако она требует от читателя ответных усилий по созданию благоприятной почвы для того, чтобы семя укоренилось и принесло добрый плод. Язык книги не просто самобытный, богатый и насыщенный, но самодостаточный, он же и «является главным героем повествования». В него поначалу сложно вжиться, как сложно было герою повести «Полёт совы» привыкнуть к нахождению в лодке: «...ветка заходила частым, угрожающим ходунном, но он успокоил, уговорил её, и она затихла... Потом Серёжа пошевелился, и она снова заходила, затрепетала под ним, но едва он гребанул летучим и лёгким веслом, ветка, разрезая тонким носом воду, пошла устойчиво и плавно, словно движение было опорой».

Это движение в потоке языка, то прерывистого и рубленого, то разливатого и взмывающего, словоно дополняет, достраивает природное пространство енисейской тайги. Смысловая концентрация и напряжённость языка накаляет прозаическое повествование до высокой поэтической температуры. Вживаясь в него, понимаешь, почему этот наглядный, легко доступный человеческому измерению неисчерпаемый источник форм, воспроизводящий звуки, обновляющий смыслы, пересотворяющий образы, является основой, матрицей человеческой

культуры. Язык – мир, созданный человеком и вместе с тем его созидающий. Из этого настоящего, наивысшего понимания языка, слова как Бога, исходит предельная ясность и честность сюжетов, диалогов, образов, самой сути, идеи книги.

Взгляд художника, пристальный и любовный, стремится запечатлеть действительность наиболее полно, пытается передать переживание пространства во всей полноте его бытия, от деталей физического воплощения до идеи, метафизики. «Васька с одобрением уставшего человека прислушивался к гулким щелчкам, к нарастающему рёву в высокой трубе, из которой вслед за густым дымом начал вырываться прозрачный расплавленный воздух, иссечённый искрами...» Но всегда эта передача, это обозначение, каким бы скрупулёзно точным ни было, является лишь вектором, направлением, путём, только приоткрывающим завесу тайны, дорога к которой бесконечна.

Своим врождённым темпоритмом и особенной лексикой язык помогает создать сквозной образ духовного восхождения, когда через незнакомые и забытые слова, через приближенный к живому языку людей, через диалоги и описания природы мы выходим к героям времени. Наиболее ярким из них является Серёжа, Сергей Иванович, молодой учитель русского языка и литературы, приехавший в село из города, где его «...доказали пробки и машина, вещи вроде бы подсобные, но так лезущие в жизнь, словно метят в заглавие». Он приверженец и поклонник идеи о Русском мире, «в котором воплощается русский духовный идеал», то есть идеал человека чувствующего и мыслящего, в котором, кроме попечения о повседневных заботах, проявлена острая необходимость простора для духовной жизни. А ещё Серёжа человек, осмелившийся оставаться собой в условиях, когда рынок нагло навязывает не только стиль жизни, но сценарий судьбы и даже образ мира.

Вершиной книги, её неветерной кульминацией становится молитва «Я люблю этот народ...», до которой словно идёшь по холодной заснеженной тайге, плавно поднимаясь вверх, встречая по пути цельные характеры, уникальные судьбы, и на некой невозможной, близкой к отчаянию точке, обессиленный, падаешь на колени вместе с главным героем повести, повторяя за ним слова самодельной его молитвы, и по мере прочтения, осмысления её, чувствуешь, как светает вокруг, словно откуда-то из глубин восходит солнце: «...Это и есть моя честь и слава в тяжелейшее время для моего народа, обезволенного и поглупевшего, готового в тоске на любую кость кинуться: в роковое это время дана мне милость служить ему, воевать за него вместе с теми малыыми силами, которые ещё способны на бой, и драться неустово, и до конца дней своих и если надо положить жизнь!..» Вместе с потрясением и перерождением героя и наша обыденность предстаёт в новом свете: мы словно осознаём, что находимся на вершине, откуда открывается захватывающий вид на окрестности, где невдалеке брезжит огонёк спасительного зимовья.

Антагонистом Сергея в рамках общего художественного полотна книги выступает другой персонаж – герой повести «Фарт» Серёжа Шебалин, или Ёжик, как его называют друзья, «...знаменитый, с гусарскими повадками парень... со стремительно-грозыным выражением лица, летящим покато лба и свирепыми белками». «Его карьера была как хмельной полёт на снегоходе – ночью в мороз по наледи. Когда ледяной ветер бодрит, пока несёшься, а при первой поломке гробит». Первой поломкой в его блистательной жизни стала «прилюдная измена жены», после которой «он уже напояет не орла-беркута, а стервятника или сипа: худая костлявая голова с орлиным носом и особенно страшный меловой с похмелья вид – трупно-синие мешки под глазами и в самих глазах сумрак... Могильный сумрак...». Михаил Александрович упоминает Ёжика как бы проходя и вскользь, но броскость его образа, трагедия его жизни делают из него яркого, но ложного героя времени, в котором земное достигает апогея своего совершенства, но уже при жизни самого человека обнаруживает своё бессилие, временность и конечность.

Один из сквозных образов книги – заснеженная ледяная тайга – отражение современного духовного состояния русского общества, где на огромных просторах непроглядного оцепенения редко, но основательно маяками-зимовьями стоят живые распахнутые людские души, которые узнаёшь по речи, взгляду, песне. Такова встреча столичного этнографа и хранительницы старообрядческих традиций, описанная в повести «Фарт». «Теплейшие заповедные люди Кучуганова и Шлыков были настолько сильны и самобытны, что требовали вокруг свободного поля, людей с разрезанной яркостью, способных лишь на поклонение. <...> У Кучугановой были посетители, которым она рассказывала про обожаемых ею старообрядцев-старожилов. <...> Шлыков зашёл в избу как в своё родное-кровное – с торжественным наигрышем, с

монументальной снежной симфонической нотой <...> Шёл медленно, озирая по кругу присутствующих ликующей улыбкой <...> Господи, как потянулось родное к родному! Как всплеснула женщина руками! Как воскликнула: «Гости дорогие!»

В повести «Фарт», завершающей книгу, автор выражает сущность характеров героев, особый упор делая на язык их диалогов, обнажающих чудовищность крайнего обмирщения и опустошения «новомещанского» русского сознания. Психологически точный язык диалогов, входя в несоответствие с занебесными описаниями явлений природы и характеров людей в прочих произведениях, здесь причиняет почти физическую боль. На этих примерах ярко показано, как русский язык опускается до какой-то невообразимой беспросветной ямы, превращаясь в обезличенную, обескровленную, утилитарно-загнанную платформу для коммуникации примитивных дельцов-практиков.

Михаил Александрович помогает чётко и точно выразить в слове неясные ощущения, которые волнуют не только многих наших соотечественников, но и людей по всему миру. «Современное мироустройство стоит на всемогуществе денег», – говорит писатель Баскаков – герой во многом автобиографичной повести «Фарт», а все проблемы решает «примитивный, как расчёты в автолавке» механизм, а не какая-то суперпродуманная идейная система. Подручником же этого «механизма» является не кто иной, как «интеллигенция, выродившаяся до такой степени, что уже не кипит идеалами, а глухо и ватно блокирует всё, что не подпадает под её ценности». И силы эти, «будучи полнейшими нерушыми по духу <...> начинают пестовать писателей, выбирая их подчас самым неожиданным образом, причём пестуют любое направление! Любое! Лишь бы отвлекло от главной темы!» Главной же темой литературы является «русский человек в наши дни», который в глобальном сценарии всё тех же держателей денег должен превратиться в «КМНС – коренное малочисленное население Севера». И в этих опасных-непростых условиях на первый план выступает «география духа», где линия раздела пролегает уже не по границам государств и континентов, а через души людей, и важным становится «не где ты, а с кем».

Остро насыщенная и предельно открытая книга «Три урока» пронизана атмосферой долгожданной встречи с родными по духу людьми, похожей на долгий разговор у тёплой печки, от которого оттаивает перемороженная душа, и, отходя, начинает болеть ещё сильнее. Книга удваивает тоску по всему родному, русскому, светлому, энергоизбыточному, близкому по атмосфере деревенскому детству и почти полностью утраченному в условиях мегаполиса. «Три урока» Михаила Александровича особенно ценны тем, что они утверждают насыщенность и естественность присутствия живой души в человеке, живущем не только и не столько в мире материальных ценностей, но в многомерном пространстве духа, способном ощущать глубину вещей и процессов, замечать прекрасное и вечное в привычном и повседневном, предпочитать путь покою, продолжать восходящее движение.